
Как выглядит и меняется картина мира российских студентов? Тематическое моделирование текстов художественной литературы

А.В. МАЛЬЦЕВА*, Н.Е. ШИЛКИНА**

***Анна Васильевна Мальцева** – доктор социологических наук, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социальных науках, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.maltseva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1322-6255>

****Наталья Егоровна Шилкина** – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, n.shilkina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6680-703X>

Цитирование: Мальцева А.В., Шилкина Н.Е. (2023) Как выглядит и меняется картина мира российских студентов? Тематическое моделирование текстов художественной литературы // Мир России. Т. 32. № 4. С. 160–177. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-160-177

Аннотация

Картина мира российского студента, его специфические черты и динамика отражены в художественной литературе разных лет. Актуальная проблематика студенческой жизни, опосредованная мировоззрением современников и отраженная в тексте, позволяет увидеть место и роль студенчества в обществе, с другой стороны, – современные ему ценности, социальные ожидания. Художественная литература, обращаясь к актуальным ситуациям и выводя в качестве основных персонажей студентов, фиксирует ключевые социальные черты студенческой молодежи прошлых десятилетий, позволяя узнать о ее жизни и роли в обществе то, что нам сегодня недоступно в силу дефицита, а иногда и полного отсутствия ретроспективных социологических данных. Анализ проведен на основании вероятностного тематического моделирования текстов художественных произведений русскоязычных авторов конца XIX – начала XXI вв. (Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Н.Г. Гарина-Михайловского, А.И. Куприна, В.В. Вересаева, В.А. Каверина, Ю.В. Трифонова, В.Д. Осипова, Ю.М. Полякова, А.В. Иванова; А.А. Десна, Т.Ю. Соломатинной и П.В. Санаева), отобранных по критериям жанра, времени написания, языка и сюжета.

Исследование выбранных текстов дало возможность выявить динамику описания студенческой молодежи в социальных контекстах. Показаны некоторые объективно изменяемые и, наоборот, устойчивые компоненты картины мира студенчества разных лет.

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в мае 2023 г.

Картина мира рассматривалась многокомпонентно; ключевыми компонентами стали фигуры – центральные образы; фон – время, пространство; интенции – эмоции, мировоззрение, ценности, оценки. Методологическим основанием исследования картины мира выбраны понятия «интерсубъективность» Э. Гуссерля и «символический интеракционизм» Г. Блумера.

Определены интерсубъективные черты картины мира студенчества разных исторических периодов – дореволюционного, в котором социальный статус студента и университетские интеракции являлись гарантией будущего благополучия; советского студенчества, где университет – это среда творчества, товарищества и личностного развития; позднесоветского студенчества, где университет – это научное интерактивное сообщество; а также постсоветского студенчества, где университет – среда, формирующая социальные связи.

Получены интересные данные о символике цвета, речи, предметов быта, социально-го окружения и знаковых для студенчества фигур из числа выдающихся людей и художественных героев. Зафиксированы речевые символы высокой изменчивости родственных и дружеских отношений, настроения, средового пространства, а также оценок и ценностных суждений. Сделан вывод о ключевой роли неформальных университетских интеракций в формировании студенческой картины мира.

Ключевые слова: вероятностное тематическое моделирование, социология студенчества, картина мира, интерсубъективность, художественная литература, дореволюционное студенчество, советское студенчество, постсоветское студенчество, университет

Изучение картины мира студента, его ценностных ориентаций, оценок и взглядов всегда оставалось актуальной задачей социологии, решение которой направлено не только на получение сведений о студенческой молодежи, но и на раскрытие направления будущего развития общества, характер взаимоотношений между социальными группами, их социальные ожидания относительно друг друга. Для достижения этой цели выработано огромное разнообразие методологических подходов и методических решений, которые стремятся к беспристрастности в оценках, вырабатывая объективный взгляд на студенческую молодежь.

Обращение к текстовому измерению социальности позволяет увидеть и нетривиально описать условия формирования, сохранения, изменения и исчезновения важных компонентов жизненного пространства сообществ и групп. Традиционные возможности метода контент-анализа сегодня достаточно широко дополняются методами автоматизированного семантического анализа корпусов текстов, каждый из которых может рассматриваться в качестве принципиально нового источника сведений об объекте исследования. Один из таких методов обработки текста был использован нами для выявления компонентов жизненного мира студента.

Художественная литература, обращаясь к актуальным сюжетам и выводам студентов в качестве действующих лиц, не составляет конкуренцию объективности, но раскрывает субъективную интерпретацию современников, которая представляет собой высокую информационную ценность. Безусловно, художественные произведения не дают такой полной и системной картины студенческой жизни как научные исследования, при этом автор выбирает сравнительно короткий эпизод, а не рассматривает жизнь студента пролонгированно. Однако они позволяют нам анализировать события в «выборке» современника (то есть те, которые

современный им автор считал реалистичными) и видеть их такими, какими они выглядели для него. Автор выступает исследователем современного ему социального контекста, а мы можем соотносить сегодняшние социальные группы с аналогичными в истории и сравнивать поведенческие, ценностные и другие портретные черты. Содержание художественного произведения во многом зависит от личности автора, его собственного мировоззрения, личной картины мира, поэтому анализируемые тексты уникальны и разнообразны. При этом индивидуальный и очень субъективный взгляд эффективно раскрывает неожиданные и неочевидные черты социальной реальности, особенно когда дело касается социальных феноменов.

Картина мира социального субъекта

Оперирование категорией картины мира предполагает учет его многоаспектности и широкое пространство для трактовки. Все это приводит к терминологическим расхождениям (философская картина мира, глобальная, научная, мифологическая, художественная, когнитивная, языковая и т.д.) и синонимическим заменам (образ мира, модель мира, схема мира, картина действительности и пр.). Картина мира трактуется и как художественная метафора, широкое абстрактное понятие, и как конкретный прикладной термин. Дискуссии относительно категории картины мира концентрируются в основном вокруг ее реалистичности и субъективности, аргументируя разнообразные актуальные трактовки – это субъективная картина действительности Л. Витгенштейна [Витгенштейн 2017]; интегратор активности человека с объективной реальностью [Артемьева 1999]; результат субъективного жизненного и социокультурного опыта [Леонтьев 1983], жизненной траектории [Рубинштейн 2012], чувственных переживаний [Петухов 1984]. В каждом случае речь идет, с одной стороны, о субъективной индивидуальности картины мира, с другой, о ее релевантности социальному и историческому контексту. Мы применили понятие другой субъективности – интересубъективности Э. Гуссерля [Гуссерль 2010] – общности взглядов, установок, ценностей в рамках групповой культуры, вырабатываемой в социальных интеракциях, интерпретация которых, по определению Г. Блумера, доступна нам в символических текстах [Блумер 2017].

Нам близко мнение Г.В. Колшанского о картине мира как совокупности знаний индивида о мире: это «вторичный мир», который является отражением реального мира [Колшанский 1990, с. 103] в когнитивных структурах, характерных для конкретного индивида и группы. Социальная группа концептуализирует реальность определенным специфическим образом в силу общности этой реальности для группы и ее отличия от реальности других групп. Специфическая картина мира – необходимая черта группы, а ее создание – необходимый групповой процесс, репрезентирующий и физическую, и социальную среду, и глобальные свойства мира.

Картина мира проявляется в языковой картине мира – представлении о реальности, отраженном в языке. В языковой картине мира нам близок объективистский подход, в котором язык является формой выражения когнитивных процессов и практического опыта, а языковая картина мира тесно связана с объективным миром и адекватно отражает объективную реальность [Корнилов 2003]. При этом картину мира, которую, согласно определению В.П. Руднева, «можно

выделить, описать или реконструировать у любой социопсихологической единицы – от нации или этноса до какой-либо социальной или профессиональной группы» [Руднев 1999, с. 127], и таким образом рассматривать в контексте как индивидуального, так и коллективного сознания применительно к нации, этносу, социальной, профессиональной, половозрастной или другой большой группе.

Обобщая, мы трактуем в данном исследовании студенческую картину мира как когнитивный конструкт, систему субъективных представлений об объективной социальной реальности и о себе, характерных для данной социальной группы. В эту систему включены ценностные, оценочные, мировоззренческие и другие аспекты, репрезентированные писателем, фиксирующим в результате социального наблюдения сущностные свойства студенческой картины мира. Картина мира, таким образом, – это опредмеченный в языке художественного текста идеальный образ [Серебренников 1988].

Для перехода к эмпирическим показателям интересубъективной картины мира в художественной литературе мы применили подход к языковой картине мира национального субъекта О.А. Корнилова. С этой точки зрения картина мира получает в каждом национальном языке национально-специфическую форму выражения в концептах, определяющих, во-первых, реалии бытования (природно-климатические условия, быт), во-вторых, концептуальные артефакты языкового сознания (образы культуры, мировосприятия, оценочно-ценностные категории). Языковая картина мира всегда субъективна, подвержена изменениям, происходящим под влиянием динамики повседневной жизни, новых социальных и исторических реалий. Специфика вербального отражения мира определяется особенностями пространственно-временного континуума: это национальный склад мышления, а также природная и культурная среды [Корнилов 2003].

Таким образом, мы анализируем картину мира российского студента в тематике художественной литературы как сконцентрированное отображение всей суммы оценочных представлений о мире в данной национально-этнической традиции и социально-историческом контексте, взятых в их системном и операционном аспектах [Топоров 1980]. Поскольку картина мира – многокомпонентный феномен, то мы операционализируем его как фигуры (центральные образы – герои, идеи); фон (темпоральные компоненты – время, пространство, ландшафт); интенции (эмоции и чувства, мировоззрение, оценки) [Любимова, Бузальская 2012].

Художественная литература как языковое выражение студенческой картины мира

Необходимым требованием включения художественного произведения в процедуру анализа являлась высокая убедительность в правдивости авторского видения и изложения. Мы поставили задачу увидеть мир студентов разных эпох изнутри, от первого лица. Однако мы исследовали не их личные дневники и подобные им документы, а художественные тексты, созданные писателями как внешними наблюдателями студенческой жизни, поэтому произведение должно относиться к литературному реализму. Иными словами, персонажи создаются автором как типичные характеры в типичной ситуации; реальность отражается в соответствующих

времени деталях настолько адекватно, насколько это возможно в художественном произведении, благодаря чему писатель достоверно выражает в персонаже черты времени, поколения и группы. Авторы выступают как исследователи современного им общества в ситуациях взаимодействия людей и групп. Их произведения стали своеобразным документом, запечатлевшим стандартные ситуации, распространенные мнения, характерные типажи. В произведениях литературного реализма язык не создает новые картины мира, а фиксирует реальность. Здесь мы придерживаемся мнения Г.В. Колшанского о том, что картина мира как совокупность знаний соответствует языковой картине мира [*Колшанский* 1990].

Отбор произведений был проведен в несколько этапов:

- предварительный опрос студентов бакалавриата и магистратуры вузов Санкт-Петербурга (n=170, выборка квотная по курсу обучения и направлению подготовки) методом незаконченных предложений, назвавших значимые произведения о студентах в русской литературе с XIX в. до настоящего времени и экспертный опрос преподавателей вузов, филологов и лингвистов (n=24), назвавших произведения того же периода и тематики; выделение в обоих списках тех произведений, которые относятся к литературному реализму; составление общего списка произведений;
- отбор повторяющихся наименований, отвечающих дополнительным условиям некоторого единообразия: 1) произведение относится к литературному реализму, то есть отражает реалистичную картину мира в ее типичных чертах; 2) произведение написано на русском языке, и описываемое событие происходит на дореволюционном, советском и постсоветском российском пространстве, что обеспечило единство национально-этнического контекста [*Корнилов* 2003]; 3) автор является современником описываемого им события, что позволило нам исключить из анализа тексты, написанные под влиянием современного переосмысления социальной истории; 4) студенты являются главными героями произведения, либо его значительной по объему смысловой части, которая была принята для анализа как самостоятельный отрывок, что позволило нам исключить дополнительные внешние по отношению к студенчеству переменные.

В результате соблюдения названных условий были выбраны следующие произведения разных периодов:

- в дореволюционной литературе – Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (отрывок) 1866 г.; А.П. Чехов «Тяжелые люди» 1886 г.; Н.Г. Гарин-Михайловский «Студенты» 1895 г.; А.И. Куприн «Яма» (отрывок) 1909 г.;
- в советской литературе – В.В. Вересаев «Исанка» 1928 г.; В.А. Каверин «Исполнение желаний» 1936 г.; Ю.В. Трифонов «Студенты» 1950 г.;
- в позднесоветской литературе – В.Д. Осипов «Факультет журналистики» 1985 г.; Ю.М. Поляков «Апофегей» 1989 г.;
- в постсоветской литературе – А.В. Иванов «Общага-на-крови» 1992 г.; А.А. Десна «Фрагменты студенческой биографии» (сборник) 2001 г.¹; Т.Ю. Соломатина «Коммуна, студенческий роман» 2011 г.; П.В. Санаев «Хроники раздолбая» 2013 г.

¹ Отметим, что «Фрагменты студенческой биографии» – это не одно произведение, а сборник и поэтому мы сомневались в качестве тематической модели. Однако полученные темы были когерентны (о проблеме когерентности см. в [*Maltseva et al.* 2021]), поэтому сборник остался в списке выбранных произведений.

В процессе работы были реализованы методные возможности – вероятностное тематическое моделирование текстов для выявления тематических переменных; определение новых переменных в результате переосмысления различных частей полученных результатов в разных аспектах. Обобщенные данные позволили проследить как изменение социального статуса студенчества в общественной иерархии, так и характерные черты социального портрета студента, описывающие качество жизни и ее организации, а также мировоззренческие ценности.

Вероятностное тематическое моделирование – это удобный инструмент анализа текстов, выявляющий характерные совокупности (кластеры/темы) слов и словосочетаний (терминов), один из лучших современных инструментов структурирования больших объемов текстовых данных, применимый для обобщения, систематизации, а главное – для извлечения скрытой информации, выявления и кластеризации неочевидных смысловых трендов. В нашем случае вероятностное тематическое моделирование применяется не потому, что тексты художественных произведений невозможно охватить умозрительно или обработать вручную, преобразовав в более доступное для интерпретации компактное пространство тем. Речь идет о том, чтобы идентифицировать акцентированные аспекты художественных произведений аналогично тому, как бы это сделал условный наивный, свободный от социальных иллюзий и предвзятости читатель [Wagner-Pacifci 2010; Wagner-Pacifci et al. 2015], и определить, не заложены ли в художественных произведениях смыслы, которые мы не воспринимаем.

Результаты вероятностного тематического моделирования

Далее представлены темы, выявленные вероятностным тематическим моделированием в каждом художественном произведении, которые интерпретируются на основе слов, входящих в каждую из них с наибольшей вероятностью. Всего в каждом произведении было выделено девять тем. Мы не останавливаемся на методике проведения тематического моделирования и определении количества тем, поскольку писали об этом ранее [Maltseva et al. 2019; Maltseva et al. 2021; Shilkina et al. 2019]. Отметим только, что в процедуре предобработки текста ограничили токенизацией и исключением стоп-слов, отказались от лемматизации, поскольку посчитали, что для анализа художественного текста форма слова имеет особое значение. В каждой теме были выбраны слова с наибольшими коэффициентами, характеризующие тему. Количество слов, описывающих тему, различается в силу размерности произведений, и мы решили не ограничивать список слов. В результате были зафиксированы 28–75 слов, представляющих разные темы с коэффициентами в интервале 8,16–34,19.

Модифицировав для исследования социума идеи Н.А. Любимовой и Е.В. Бузальской о речевой картине мира, мы интерпретировали полученные вероятностные темы по следующей схеме: одна тема фигур – социальное окружение, ближний и дальний круг героя произведения, а также социальные институты и идеи; одна тема фона – физическое пространство студента; три темы интенций – эмоций, мировоззрения, а также ценностей и оценок. Помимо этого, были выделены другие четыре темы, которые имели второстепенное значение.

Тема фигур

В теме фигур было выделено следующее содержание – семья, друзья, университет, внешний социальный круг и знаковые субъекты. Реализм в литературе подразумевает социальную детерминированность внутреннего мира персонажа, и общество, которое окружает героя, играет важную роль в формировании его мировоззрения. Оно имеет разнообразное наполнение, значительно изменяющееся от одного произведения к другому и характеризующее специфическую картину мира студента своего времени. Рассмотрим, как это происходит.

Во-первых, мы можем видеть, как во времени меняется семья студента. В произведениях XIX в. – это расширенная семья, фигура которой содержит до 14 слов, называющих родственные персонажи. В период между революциями 1905 и 1917 г. литература фиксирует резкое изменение фигуры семьи, сужение ее до двух персонажей – «отец», «мать»: видимо, расширенная семья в условиях социальных потрясений становится слишком обременительной. В послереволюционной семье остается один персонаж – «жена»: предположительно, родители в новом обществе полностью теряют свою значимость для студента. Далее довоенная и послевоенная семьи расширяются, но в них отсутствует персонаж «отец»; он появляется только в нуклеарной семье 1980-х – «папа», «мама», «сын». В позднесоветской литературе снова исчезают персонажи «отец», «мать», «муж», «жена», а фигуру семьи представляет обобщенно отчужденное – «родители», «супруги». Еще более выразительные изменения в семье отражены в постсоветских произведениях: фигура семьи в теме не выделена вообще, если не считать персонажа «жених»; персонаж «муж» приобретает множественное число – «мужья»; появляется персонаж «отчим»; из состава взрослых членов семьи снова исчезает персонаж «отец», а также другие мужские персоны, и остаются «мама», «бабка», «тетка». Таким образом, тематическое моделирование позволяет нам наблюдать те события, которые не являются центральными в художественном произведении, но представляют важную интерпретативную информацию. Становится очевидным, как сужается и искажается в периоды социально-исторических потрясений семья – важный источник формирования картины мира студента, его ближний круг.

Фигура друзей сохраняет устойчивость, наполняясь идентичными персонажами с дореволюционного по довоенное время – «товарищи», «компания», «друзья»; в послевоенный период к ним добавляется почти родственное «браток». В позднесоветских произведениях дружба представлена «друзьями-приятелями» и эмоционально отчужденными «знакомыми», а иногда персонажи фигуры дружбы со значимыми коэффициентами не выделяются совсем. В постсоветских произведениях к «приятелям» и «друзьям-приятелям» добавляется уменьшительное «подружки», когнитивное «собеседник» и субкультурное «кореша», а также со значимыми коэффициентами фиксируются дифференцирующие слова «свой» и «чужой». Можно утверждать, что для темы студенческой дружбы поворотным становится позднесоветский период, когда дружеские персонажи, как и семейные, приобретают новые облегченно-отчужденные формы.

Третья фигура в теме – университет – является почти неизменной с дореволюционной России и до позднего СССР. Повторяющиеся персонажи отражают организационные структуры – «институт», «университет», «кафедра», «деканат»,

«администрация»; социальные субъекты – «профессор», «приват-доцент», «преподаватель», а также «студент» и вариации «слушатель», «вольнослушатель», «семинарист», «вузовец», «первокурсник», «старшекурсник». В постсоветской литературе со значимыми коэффициентами фиксируются пренебрежительное – «абитура», «общага» и отчужденно обобщающее – «профессора-доценты».

Фигура внешнего социального круга отражает широкий спектр контекстных статусно-ролевых отсылок. В XIX в. эта фигура наполнена многочисленными персонажами, субъектными и разнообразными по характеристикам. Каждый из них являлся отражением своего социального слоя, образа жизни и влияния на студента. Зачастую они были оценочны – «госпожинка», «старушонка», «генералишка». Персонажи передавали черты характера – «меланхолик», «гордичка», «эгоист»; социальный статус – «госпожа», «помещики», «чиновница», «дворянка»; род занятий – «дворник», «полицейский», «художник», «извозчик»; финансовое положение – «дармоед», «нищие»; половозрастную и одновременно сословную принадлежность – «сударь», «сударыня», «господин», «госпожа». Так складывается целостная картина дальнего социального круга студента, в котором каждый персонаж отражает типичные для своего сословия социальные черты внешности, поведения, занятий. Студента окружает огромное разнообразие жизненных историй и ситуаций, каждая из которых могла с той или иной вероятностью стать его собственной жизненной историей. В послереволюционных произведениях это разнообразие резко сократилось, и различия составили пол/возраст – «девчата», «женщина», «мужчина», «молодые», «старик», и род занятий – «инженер», «сценарист», «колхозник», «техник», «художник». Появились социально-групповые обобщения – «молодежь», «большинство», «крестьянство», «ровесники», «рабочие», «комсомол», «народы», а также политизированные группы – «делегаты», «марксисты», «пионеры», «партийный активист», «беспартийный». В целом, какой бы род занятия ни выбрал послереволюционный студент, «все дороги хороши». В позднем СССР обозначился образ отрицательного героя и осуждаемый жизненный путь, картина мира упростилась, а студенту предлагались два основных пути – одобряемый политизированный – «команда», «лидер», «комсомольцы», «делегаты», и неодобряемый аполитичный – «космополиты», «низкопоклонники», «функционеры», «инструкторишка». В постсоветских произведениях писатели фиксировали персонажей, как будто заимствованных из прошедших десятилетий – как в дореволюционных произведениях, появились «человечек», «господин», «пьяницы», «бедные»; социально-групповые обобщения – как в советских – «рабочих-крестьян-прослойка», «комсомол», «мальчишки-девочки», «молодежь»; вновь возникающие персонажи – «аристократы», «партнеры», «метрдетель»; а также новые оценки не конгруэнтных обществу людей – «слонята», «алкаш», «дебилы», «идиоты»; новые половозрастные наименования – «старпер», «телки»; новые обобщения – «человеки».

Литература выявляет знаковую фигуру героев, которую составляют реальные и вымышленные лица, значимые для студенческой общности и символизирующие определенные периоды социальной жизни. К ним мы отнесли имена собственные лиц, находящихся вне непосредственного взаимодействия со студентами. Такие герои со значимыми коэффициентами обнаружены не во всех произведениях, что тем не менее позволяет проследить определенную динамику. В произведениях XIX в. выделяется идея веры, олицетворенная *Христом*, и социально-философские

идеи *Руссо*, *Гомера*, *Бисмарка*, *Фейербаха*; в начале XX в. революционные социальные идеи соотносят с именем *Маркса*; в послереволюционной литературе с именами *Толстого*, *Пушкина*, *Герцена* и *Кирова*; послевоенная литература видит героев среди создателей эстетического идеала и советской публицистики, фиксируя имена *Куинджи*, *Чайковского*, *Бетховена*, *Крылова*, *Чернышевского*, *Луначарского*; в позднем СССР знаковыми становятся носители разных форм несогласия, противопоставления системе, другого взгляда на общество – *Чаплин*, *Высоцкий*, и здесь же литературные персонажи *Анна Каренина*, *Наташа Ростова*; в постсоветских произведениях фиксируется сюрреализм, отчуждение, депрессивность *Кафки*, *Хемингуэя* и, наконец, *Калигула* – метафора ценностной катастрофы и формирования принципиально иной картины мира. Какой становится новая картина мира, мы попытаемся увидеть далее.

Тема фона

Тема фона зафиксирована в произведениях как свойства физического пространства университета и жилья студента, а также внешней среды, символики цвета, фоновых настроений, движения и времени.

Пространство университета традиционно и неизменно во всех временных позициях – «факультет», «аудитории», «институт», «университет», «профессор», «деканат», «лекции», «семестр».

Средовое пространство изменяется быстро от депрессивности в дореволюционной литературе – «черные дворы», «распивочная», «пустынный бульвар», «город», «подворотня», «трактир», «кабак», «больница», «палата», до восторженно позитивного в советской литературе – «солнце», «блеск», «молнии», «спортплощадка», «Ленинград», «плакат», «парад», «радуга», «гранит», «дворец», «красивый», «стенгазета», «трибуна», затем следует нейтральное – «воздух», «улицы», «вечер», «море», «кафетерий», «небо», «снег», «сугроб»; далее в позднесоветской и постсоветской литературе мы видим географическое расширение средового пространства, выходящего за государственные границы – «Германия», «ГДР», «Париж», «Лондон», «Санта-Барбара», «США». Черты средового пространства дополняются символикой цвета: депрессивные «черный» и «серый» в дореволюционной литературе замещаются оптимистичными «желтый», «зеленый», «темно-синий», «темно-желтый», «розовый», «красный», «голубой», «золотой», «матово-оранжевый», «светлый», «синий» – в советской, а в позднесоветской и постсоветской литературе цвет почти исчезает из значимого фона и остается только «белый».

Пространство студенческого жилья, напротив, выглядит однообразно на протяжении всех десятилетий. Так, со значимыми коэффициентами в дореволюционных произведениях фиксируются слова, отражающие убогое и бедное жилье – «каморка», «угол», «ночлег», «сундук», «ширма»; в советской литературе слова, характеризующие жилье студента со значимыми коэффициентами не зафиксированы, а позднесоветская и постсоветская литература снова начинают уделять ему внимание, высвечивая кухонно-коммунальную, почти андеграундную атмосферу общежитий – «общага», «кофе», «коньяк», «Мальборо», «колбаса», «шаром покати», «яичница», «столовая», «макаронны».

Фоновое настроение коррелирует в большей степени со средой, имеет полярный разброс значений и демонстрирует такую же изменчивость. Так, в до-революционной картине мира безнадежность нашла свое отражение в символике болезни – «кашлять», «чахотка», «болезни», «плач», «бесчестье», «исступление»; бедность и нищета – в символике ограничений – «угол», «флигель», «небольшая комната», «простенок», «железный замок», «крючок», «душно», «ширма». В послереволюционной и довоенной картине мира тревога и надежда на счастье фиксируются в амбивалентности риска и восторга – «сметь», «жадно», «опасность», «страх», «удовольствие», «радость», гнева и энтузиазма – «злость», «смеялась», «жизнь», «революция», «здорово», «атлет», «освобождение», «великий». В послевоенное время фиксируется пик фонового настроения счастья – «торжественно», «воодушевление», «гордость», «превосходство», «великолепно», «неотразимо». В позднесоветской картине мира мы наблюдаем попытку символического закрепления, достигнутого в прежние годы результата в коллективистской риторике – «общепринятое», «общественность», «дисциплинированность», «культурно-массовый», «комсомольское собрание», «культпоход», «партком», «внутрипартийный», которая отражает фон настроения как декоративный, поддерживаемый искусственно. В постсоветской литературе картина мира символически маргинализируется, в ней даже такие позитивно-нейтральные слова, как «любовь», «поцелуй», «беременность» объединяются в темах вместе со словами негативной окраски – «перегар», «помойка», «коньяк», «чирик», «наркота», «балдеть», «дилемма», «наслаждаться», «удовольствия», «питье-гулянье», «любовь», «секс», «беременность», «поцелуи», «мораль», «стыд», «удовольствие», «угрызения», «дрожащая тварь», «сифилис». В картине мира постсоветского времени мы снова видим фоновым настроением дилемму «твари дрожащей» в праве девальвации прежних ценностей и источников счастья, что тематически связывается с моральными угрызениями и ожидаемой расплатой в ассоциациях, созданных Ф.М. Достоевским и А.И. Куприным.

Время в произведениях разных периодов фиксируется в терминологии риска промедления и запаздывания – «успел-таки», «быстро», «поехали», «мгновенья», «стремительно», «цейтнот», «секунды» и движения – «станция», «версты», «столбы», «аэродром», «пароход», «вокзал», «троллейбус», «электричка». Время в картине мира студентов характеризуется идентично с конца XIX в. и весь XX в. как быстротекущее, проходящее, а также в разные годы тождественна потребность бежать, спешить, успевать.

Тема эмоций

Первая тема тематики интенций – тема эмоций. Полученные результаты выявили некоторые повторы эмоций от одного произведения к другому вне зависимости от сюжета и исторического периода, и объяснение этому мы найдем в природе эмоций. Выявленные совпадения отражают положения С. Izard о десяти базовых эмоциях – радости, интереса, удивления, печали, гнева, отвращения, презрения, страха, стыда, вины [Izard 1977, p. 46]. В темах по этим группам были выделены следующие эмоции:

- 1) радость выделена в произведениях как «счастье», «смех», «торжество», «удовольствие», «веселье», «радушие», «восторг», «триумф»;
- 2) интерес – как «интерес», «озабоченность»;
- 3) удивление – как «обескураженность», «изумление», «недоумение», «потрясение», «пораженный», «опешить», «ошеломляюще»;
- 4) печаль – как «горе», «грусть», «страдание», «мучение», «отчаяние», «безутешность», «тоска», «плач»;
- 5) гнев – как «ругань», «горячность», «злоба», «ярость», «грубить», «беспощадно», «свирепо»;
- 6) отвращение (отторжение) – как «омерзение», «гадко», «гнусно», «неприятно»;
- 7) презрение (пренебрежение, неуважение) – как «снисходительная улыбка», «пренебрежительно», «униженно», «назойливо», «оскорбление»;
- 8) страх – как «боязнь», «испуг», «ужас», «оробеть», «опасение»;
- 9) стыд – как «срам», «стесняется», «позор», «конфузил», «смущение», «угрызения совести»;
- 10) вина – «раскаяние», «прощение», «терзание», «помириться», «сожаление».

Помимо базовых эмоций, в темах выделены более сложные переживания, отражающие многообразные комплексы чувств и требующие контекстной трактовки: так, в одной теме объединены антагонистичные переживания – «любовь/ненависть», «гордость/смирение», «злоба/добродушие», «жалость» (чувство, которое вне контекста может трактоваться и как сочувствие, и как досада).

Обобщая, можно констатировать изменчивость доминирующих переживаний: в конце XIX в. лейтмотивом фиксируется страдание, в предреволюционных произведениях – тревога; в довоенных – настороженность; в послевоенных – храбрость; в позднесоветских доминанта не выделяется, и эмоции идут антагонистическими парами – «доверительно/обидно», «гордость/дурашливость», «доброжелательность/ненависть», «равнодушие/сочувствие»; в постсоветских – снова «тревога» и «надежда». Отметим, что в постсоветском произведении со значимым коэффициентом впервые фиксируется «скука» (П.В. Санаев «Хроники раздолбая») – состояние, прежде не отмеченное и мало ожидаемое в литературе о студенческой молодежи, но можно предположить, что в более поздних произведениях оно станет трендом.

Таким образом, в картине мира студента, во-первых, наблюдаются вневременной спектр эмоций и переживаний, во-вторых, эмоциональная доминанта, характерная для определенного социально-исторического периода, а также, возможно, ожидаемые тенденции и ближайшие перспективы.

Тема мировоззрения, ценностей, оценок

Вторая тема тематики интенций – система взглядов на мир, ценностных ориентаций, оценочных суждений. Рассмотрим, как изменяются мировоззренческие установки по периодам, а также негативные оценки как наиболее информативные и разнообразные.

В дореволюционном мире мировоззренческая коллаборация включала терминологию как научной тематики – «арифметика», «естественно-научные», «факты»,

«просвещение», «диалектика», так и религиозной – «молиться», «евангелие», «мифологический», «предрассудки», «мистифицировать» и социалистической – «свобода», «прогрессисты», «независимые ассоциации», «демократический». В центре терминологии осуждения находится сюжет преступления против морали, зафиксированный в словах «стыдиться», «ужасаться», «подлец-человек», «безобразный», «позорно», «изверг», «пройдоха», «злобно», «малодушно», «остервенело», «совестно», «некрасиво», «унизительно». В послереволюционных произведениях фиксируется социально-политическая ценностная доминанта – «организатор», «комсомольская работа», «товарищеский», «контрреволюционный класс», «культурных», «диалектика», «общественный», которая дополнялась позитивизмом – «наука», «мыслитель», «мемуары», «курсы», «исследователь», «аспиранты», «историко-филологический», «физико-химический», «доказательство», «философия», «закономерности», «материализм». Негативные оценки высвечивали осуждаемые поступки и черты личности – «гадливо», «оскорбление», «стыд», «отвращение», «растерянно», «сердито», «настороженно», «страшно», «мучительно», «скверно». В послевоенном мире в ценностную систему добавилась гуманитарная воспитательная компонента – «искусство», «литература», «художник», «эрудиция», «творчество», «оригинальный», «воспитание», и по-прежнему осуждалось некоммунистическое мировоззрение – «безыдейно», «либеральничать», «компанейщина». В позднесоветском периоде проявилось противопоставление партийного – «тернистый путь», «идейный», «общественный», «интернациональный», «неантагонистический», осуждаемому аполитичному – «легкомыслие», «беспринципность», «безынициативность», «уклонист». В постсоветском мире снова фиксируется комплекс научных – «аксиома», «доказательство», религиозных – «храм», «ангел», «божественное» и морально-этических взглядов – «свобода», «нравственное» в оксюморне общественно-политического дискурса – «атеизм», «социализм», «индивидуализм», «неореализм», «субъективизм», «гуманизм», «импрессионизм», «авангардизм». Все это обобщается как «метасигналы» (П.В. Санаев «Хроники раздолбая») – метафора промежуточного состояния, знак перемены, превращения во что-то новое. Негативная терминология субъективно является эгоцентричной – осуждается то, что кому-либо неприятно или несовременно – «ненормальный», «неактуально», «мерзко», «скабрёзный», «хитро», «зубодробительно», «противно».

Также были выделены четыре темы, описывающие мимику, поступки, социальные роли, коммуникации, которые в целом поддерживают определенившиеся компоненты студенческой картины мира.

Заключение

Тематический анализ художественных произведений студенческой жизни показал, что позиции писателей, несмотря на субъективизм и индивидуальный взгляд в некоторых вопросах трактовки социальной реальности, совпадают настолько, что автоматизированными методами выявляются одинаковые тематики, наполненные часто повторяющимися словами. Это позволило выделить единые тематические компоненты картины мира, которые в различные исторические периоды наполняются разным содержанием или, наоборот, сохраняют прежнее

содержание, отражая интерсубъективную картину мира студента в соответствующих социальных условиях.

Обобщая результаты, мы выделили периоды устойчивости картины мира российского студенчества в изменяющихся социальных контекстах, сферы ее наибольшей изменчивости и факторы воспроизводства на протяжении исследуемого столетнего периода. Определяя периоды устойчивости картины мира, мы зафиксировали дореволюционное, советское, позднесоветское и постсоветское время. Важно отметить, что изменение картины мира, с одной стороны, происходит в связи с революционными историческими трансформациями, а с другой, эволюционно без крупных социальных потрясений, как, например, переход от советской к позднесоветской картине мира.

Миропонимание дореволюционного студента выглядит тревожным, и в случае совершения ошибки содержит угрозу утраты социального статуса. В литературе этого периода социальное пространство наполнено символами бедности и ограничений – это депрессивная городская среда, болезни, сословное социальное окружение с преобладанием низкостатусного, при этом отсутствует социальная страховка, поддержку можно искать только в семье или среди друзей, что обеспечивают широкие семейные и дружеские связи. Среди основных эмоций можно назвать страдание и тревогу, в то же время фиксируются коллаборация научного, религиозного и мифологического мировоззрений, интерес к политике и социалистическим идеям; доминирует религиозная мораль. В целом, предлагаемые обществом варианты жизненного пути разнообразны, но постоянно несут риски утраты социальных достижений.

Картина мира советского студента меняется кардинально: социальное пространство символизирует праздник и наполнено оптимизмом; социальное окружение представляется как товарищество «все свои, советские», дружеские связи предпочитают родственным. В картину мира вписана определенная защищенность социального статуса, достижений, помимо этого, варианты выбора жизненного пути разнообразны и выглядят безопасными. В этот период преобладает научное мировоззрение, творчество и познавательная деятельность, развитие, доминируют социалистическая коллективистская мораль, культ выносливости и совместного преодоления трудностей.

В картине мира позднесоветского студента фиксируется коллаборация «бытового» и «лозунгового». Внутренний социальный круг является нуклеарно-семейным и приятельским; внешний – комсомольским и партийным. Советский романтизм заменяется формализмом, а оптимизм – скепсисом, формируются латентные протестные настроения. В моральных ценностях отмечаются две антагонистичные доминанты – официальная публичная пропагандистская и кулуарная в «*курулке*» (Ю.М. Поляков «Апофегей»).

Картину мира постсоветского студента отражает метафора – «*метасигналы*» (П.В. Санаев «Хроники раздолбая») – знак перемены, превращения, сюрреальность, когда андеграундное пространство сочетается с гедонистическими идеями, эмоция тревоги объединяется с надеждой и одновременно скукой. Родственные, дружеские, учебные связи приобретают облегченно-отчужденные формы, при этом актуализируется поиск новых «своих» в неформальных университетских средах. Научное мировоззрение соединяется с социальной алхимией – как получить успех из ничего. Университет отчуждается, но сохраняет свою организационно-ролевую структуру,

типичное пространство и формальную значимость; он остается в фокусе и поддерживает некую общность студенчества, несмотря на утрату идеологического единства.

Обзор динамики студенческой картины мира показывает, что интерессубъективность студенчества – феноменологическое переживание университетской общности, изменяясь под влиянием социального давления и исторических событий, воспроизводится в новых кодах. И студенчество, несмотря на изменения картины мира практически во всех ее компонентах (родительская семья, социальное окружение, жизненное пространство и фоновое настроение, знаковые фигуры, символы, эмоциональные переживания, ценности, оценочные суждения) сохраняет специфичную, заданную университетом и узнаваемую «своими» общность установок и воззрений. Так, для дореволюционного студенчества код интерессубъективности составляет принадлежность к студенчеству, студенческий статус, учебный процесс и университетские интеракции, что являлось определяющим фактором картины настоящей и будущей жизни. Успешное окончание университета и профессия служили гарантией защиты от жизненных поражений и обеспечивали устойчивый социальный статус. Дореволюционный университет – это «свет той идеальной правды <...>, которая дает силы в жизни <...> среди тяжелой и неравной борьбы за этот свет» [Гарин-Михайловский 1977, с. 13]. Для послереволюционного и послевоенного советского студенчества таким кодом стала особая среда научного творчества, товарищества, развития личности, которая давала надежду стать «великим человеком» [Вересаев 1992, с. 290], «обогащать науку» [Трифонов 1986, с. 12]. Позднесоветский университет объединял научным дискурсом и навыками скепсиса «студенческие споры до хрипоты», «свое собственное, отличное от общепринятого мнение» [Поляков 1994, с. 155, с. 128]. В постсоветском университете код интерессубъективности приобрел новое значение: формальная принадлежность к университету снова стала фактором будущей защищенности, возможностью найти «своих» для будущей внеуниверситетской жизни, когда в обществе начала нарастать разобщенность, но при этом «в каждом из <...> параллельных миров существовали свои компании» [Соломатина 2011, с. 42].

Таким образом, мы видим, как в писательских репрезентациях университет на протяжении столетнего периода играет ключевую роль в картине мира студентов. С одной стороны, он выглядит неподверженным времени, сохраняя постоянную организационно-ролевую структуру, узнаваемое физическое пространство, социальные функции, а с другой – в каждый период истории формирует такие установки, взгляды и другие компоненты студенческой картины мира, которые отвечают требованиям постоянно меняющегося социума.

Анализ студенческой картины мира и места университета в ней раскрывает нам еще один важный аспект, внимание к которому в современной социологии минимизировано – это неформальные университетские интеракции. Современные исследователи уделяют большое внимание процессу трансформации университетов в ее формальной части (структуре организации учебного процесса, функционально-ролевой и управленческой структуре), отмечая, что система образования демонстрирует инерционность к переменам. При этом студенческая картина мира не инерционна, а, наоборот, перманентно изменчива и релевантна современному ей социуму. Внимание социологов к внутриуниверситетским интеракциям может раскрыть важные факторы интерессубъективности и направление профессиональной и личностной эволюции поколения.

Список источников

- Артемьева Е.Ю. (1999) Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука.
- Блумер Г. (2017) Символический интеракционизм. М.: Элементарные формы.
- Вересаев В.В. (1992) Исанка // Рынок любви: Антология любовной прозы. Саратов: Заволжье. С. 261–294.
- Витгенштейн Л. (2017) Логико-философский трактат. М.: Канон + РООИ «Реабилитация».
- Гарин-Михайловский Н.Г. (1977) Студенты. М.: Художественная литература.
- Гуссерль Э. (2010) Картезианские медитации. М.: Академический проект.
- Десна А.А. (2001) Фрагменты студенческой биографии // <https://coollib.com/b/302257-aleksandr-desna-fragmentyi-studencheskoy-biografii/read>, дата обращения 12.04.2023.
- Достоевский Ф.М. (2022) Преступление и наказание. М.: АСТ.
- Иванов А.В. (2021) Общага-на-крови. М.: Альпина нон-фикшн.
- Каверин В.А. (1936) Исполнение желаний. Ленинград: Художественная литература.
- Колшанский Г.В. (1990) Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука.
- Корнилов О.А. (2003) Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо.
- Куприн А.И. (2022) Яма. М.: АСТ.
- Леонтьев А.Н. (1983) Образ мира. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика.
- Любимова Н.А., Бузальская Е.В. (2012) Картина мира: бытие и научный потенциал термина // Русский язык за рубежом. № 6 (235). С. 40–49 // <https://roslib.rudn.ru/book/viewpdf/5e43ad687380b>, (дата обращения 12.04.2023).
- Осипов В.Д. (1985) Факультет журналистики. М.: Московский рабочий.
- Петухов В.В. (1984) Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского Университета. Серия 14: Психология. № 4. С. 13–20 // <https://www.psychology.ru/library/00043.shtml>, дата обращения 15.06.2023.
- Поляков Ю.М. (1994) Апофегей // Поляков Ю.М. Сборник. М.: Республика. С. 121–210.
- Рубинштейн С.Л. (2012) Человек и мир. СПб.: Питер.
- Руднев В.П. (1999) Словарь культуры 20 века. М.: Аграф.
- Санаев П.В. (2015) Хроники раздолбая. Похороните меня за плинтусом-2. М.: АСТ.
- Серебренников Б.А. (ред.) (1988) Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука.
- Соломатина Т. Ю. (2011) Коммуна, студенческий роман. Новосибирск: Автор.
- Топоров В.Н. (1980) Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия. С. 161–166.
- Трифонов Ю.В. (1986) Студенты. М.: Художественная литература.
- Чехов А.П. (2013) Тяжелые люди. СПб.: Лань.
- Izard C. (1977) Human Emotions, New York: Plenum Press.
- Maltseva A., Shilkina N., Evseev E., Matveev M., Makhnytkina O. (2021) Topic Modeling of Russian-Language Texts Using the Parts-of-Speech Composition of Topics (on the Example of Volunteer Movement Semantics in Social Media), 29th Conference of Open Innovations Association (FRUCT), Tampere, Finland, pp. 247–253. DOI: 10.23919/FRUCT52173.2021.9435475
- Maltseva A.V., Shilkina N.E., Tiomniy I., Makhnytkina O., Lizunova I. (2019) Theory of Semantic Field for Sentiment-Analysis of the Language of Specific Users' Group in social media (Case of Freelancer Groups), 25th Conference of Open Innovations Association (FRUCT), pp. 204–210. DOI: 10.23919/FRUCT48121.2019.8981540
- Shilkina N.E., Maltseva A.V., Makhnytkina O.V., Titova M.V., Gubernatorova E.V., Katsko I.A., Mirzabalaeva F.I., Shusharina S.V. (2019) Social Media as a Display of Students' Communication Culture: Case of Educational, Professional and Labor Verbal Markers Analysis. International Conference on Electronic Governance and Open Society. DOI: 10.1007/978-3-030-13283-5_29

- Wagner-Pacifici R. (2010) Theorizing the Restlessness of Events // *American Journal of Sociology*, vol. 115, no 5, pp. 1351–1386. DOI: 10.1086/651299
- Wagner-Pacifici R., Mohr J.W., Breiger R.L. (2015) Ontologies, Methodologies, and New Uses of Big Data in the Social and Cultural Sciences // *Big Data & Society* July-December, vol. 2, pp. 1–11. DOI: 10.1177/2053951715613810
-

What Does the Worldview of Russian Students Look Like and How Does It Change? Thematic Modeling of Artistic Literature Texts

A.V. MALTSEVA*, N.E. SHILKINA**

***Anna V. Maltseva** – DSc in Sociology, Associate Professor, Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Social Sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, a.maltseva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1322-6255>

****Natalia E. Shilkina** – DSc in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology of Youth and Youth Policy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, n.shilkina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6680-703X>

Citation: Maltseva A.V., Shilkina N.E. (2023) What Does the Worldview of Russian Students Look Like and How Does It Change? Thematic Modeling of Artistic Literature Texts. *Mir Rossii*, vol. 32, no 4, pp. 160–177 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-160-177

Abstract

This paper scrutinizes the portrayal and transformation of the worldview of Russian students as reflected in the literary canon. It identifies how significant issues of student life, as interpreted by contemporaries and encapsulated in texts, highlight students' societal position, their social functions, and their contemporary values and societal expectations.

By engaging with present social circumstances and casting students as central characters, literature captures the principal social characteristics of youth over past decades. This provides insights into the lifestyle and societal roles of this demographic group, i.e., information that is otherwise unavailable due to the lack of retrospective sociological data.

The study utilized probabilistic topic modeling to analyze texts by Russian-speaking authors from the late 19th to the early 21st centuries (Dostoevsky, Chekhov, Garin-Mikhailovsky, Kuprin, Veresaev, Kaverin, Trifonov, Osipov, Polyakov, Ivanov, the collection of Desna, Solomatina and Sanaev). The selection criteria were genre, publication date, language, and plot.

The examination of the selected texts facilitated the tracking of the portrayal of student youth within social contexts. It uncovered fluctuating and stable aspects of the student worldview over time. The worldview was analyzed as a multifaceted picture, with central characters, temporal and spatial backdrops, and a range of emotions, philosophies, values, and evaluations.

The study's methodological framework is based on Husserl's concept of intersubjectivity and Blumer's symbolic interactionism. It identified the distinct intersubjective features of student

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in May 2023.

worldviews from different historical periods: the pre-revolutionary period where social status and university interactions assured future prosperity; the era of Soviet students for whom the university was a place of creativity and personal development; late Soviet students who saw the university as a scientific interactive environment; and post-Soviet students who viewed the university as a sphere fostering social connections.

The study yielded compelling data on symbolism related to color, language, everyday objects, social surroundings, and notable individuals or fictional characters significant to students. It also observed the high variability of speech symbols relating to family and friendly relationships, moods, environmental spaces, and evaluative and value judgments.

The paper concludes by underlining the pivotal role of informal university interactions in shaping a student's worldview.

Keywords: *probabilistic topic modeling, sociology of students, picture of the world, intersubjectivity, fiction, pre-revolutionary studentship, Soviet studentship, post-Soviet studentship, university*

References

- Artemyeva E.Yu. (1999) *Fundamentals of the Psychology of Subjective Semantics*, Moscow: Science (in Russian).
- Bloomer G. (2017) *Symbolic Interactionism*, Moscow: Elementary forms (in Russian).
- Chekhov A.P. (2013) *Difficult People*, Moscow: Lan (in Russian).
- Desna A.A. *Fragments of Student Biography*. Available at: <https://coollib.com/b/302257-aleksandr-desna-fragmentyi-studencheskoy-biografii/read>, accessed 12.04.2023 (in Russian).
- Dostoevsky F.M. (2022) *Crime and Punishment*, Moscow: AST (in Russian).
- Garin-Mikhailovsky N.G. (1977) *Students*, Moscow: Art Literature (in Russian).
- Husserl E. (2010) *Cartesianische Meditationen*, Moscow: Academic Project (in Russian).
- Ivanov A.V. (2021) *Dorm-on-the-Blood*, Moscow: Alpina non-fiction (in Russian).
- Izard C. (1977) *Human Emotions*, New York: Plenum Press.
- Kaverin V.A. (1936) *Fulfillment of Desires*, Leningrad: Art Literature (in Russian).
- Kolshansky G.V. (1990) *Objective Picture of the World in Cognition and Language*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Kornilov O.A. (2003) *Linguistic Worldviews as Derivatives of National Mentalities*, Moscow: CheRo (in Russian).
- Kuprin A.I. (2022) *The Pit*, Moscow: AST (in Russian).
- Leontiev A.N. (1983) *Image of the World. Selected Psychological Works*, Moscow: Pedagogy (in Russian).
- Liubimova N.A., Buzalskaya E.V. (2012) The World View: Existence and Scientific Potential of the Term. *Russian Language Abroad*, no 6 (235), pp. 40–49. Available at: <https://roslib.rudn.ru/book/viewpdf/5e43ad687380b>, accessed 12.04.2023 (in Russian).
- Maltseva A., Shilkina N., Evseev E., Matveev M., Makhnytkina O. (2021) *Topic Modeling of Russian-Language Texts Using the Parts-of-Speech Composition of Topics (on the Example of Volunteer Movement Semantics in Social Media)*, 29th Conference of Open Innovations Association (FRUCT), Tampere, Finland, pp. 247–253. DOI: 10.23919/FRUCT52173.2021.9435475
- Maltseva A.V., Shilkina N.E., Tiomniy I., Makhnytkina O., Lizunova I. (2019) *Theory of Semantic Field for Sentiment-Analysis of the Language of Specific Users' Group in social media*

- (*Case of Freelancer Groups*), 25th Conference of Open Innovations Association (FRUCT), pp. 204–210. DOI: 10.23919/FRUCT48121.2019.8981540
- Osipov V.D. (1985) *Faculty of Journalism*, Moscow: Moscow Worker (in Russian).
- Petukhov V.V. (1984) The Image of the World and the Psychological Study of Thinking. *Vestnik (Herald) of the Moscow University. Series 14: Psychology*, no 4, pp. 13–20. Available at: <https://www.psychology.ru/library/00043.shtml>, accessed 15.06.2023 (in Russian).
- Polyakov Yu.M. (1994) Apophegee. *Polyakov Yu.M. Collection*, Moscow: Republic, pp. 121–210 (in Russian).
- Rubinstein S.L. (2012) *Man and the World*, Saint Petersburg: Piter (in Russian).
- Rudnev V.P. (1999) *Dictionary of Culture of the 20th Century*, Moscow: Agraf (in Russian).
- Sanaev P.V. (2015) *The Chronicles of a Wrecker. Bury Me Behind the Baseboard-2*, Moscow: AST (in Russian).
- Serebrennikov B.A. (ed.) (1988) *The Role of the Human factor in Language: Language and the Picture of the World*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Shilkina N.E., Maltseva A.V., Makhnytkina O.V., Titova M.V., Gubernatorova E.V., Katsko I.A., Mirzabalaeva F.I., Shusharina S.V. (2019) *Social Media as a Display of Students' Communication Culture: Case of Educational, Professional and Labor Verbal Markers Analysis. International Conference on Electronic Governance and Open Society*. DOI: 10.1007/978-3-030-13283-5_29
- Solomatina T. Yu. (2011) *Commune, Student Novel*, Novosibirsk: The author (in Russian).
- Toporov V.N. (1980) Model of the World (Mythopoetic). *Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia*: in 2 vols., vol. 2, Moscow: Soviet Encyclopedia, pp. 161–166 (in Russian).
- Trifonov Yu.V. (1986) *Students*, Moscow: Art Literature (in Russian).
- Wagner-Pacifici R. (2010) Theorizing the Restlessness of Events. *American Journal of Sociology*, vol. 115, no 5, pp. 1351–1386. DOI: 10.1086/651299
- Wagner-Pacifici R., Mohr J.W., Breiger R.L. (2015) Ontologies, Methodologies, and New Uses of Big Data in the Social and Cultural Sciences. *Big Data & Society July-December*, vol. 2, pp. 1–11. DOI: 10.1177/2053951715613810
- Veresaev V.V. (1992) Isanka. *The Love Market: An Anthology of Love Prose*, Saratov: Joint Stock Company “Zavolzhye”, pp. 261–294 (in Russian).
- Wittgenstein L. (2017) *Tractatus Logico-Philosophicus*, Moscow: Publishing house Kanon + ROOI “Rehabilitation” (in Russian).